

**КОНСТИТУЦИИ И ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА КАК ИСТОЧНИКИ
НАЦИОНАЛЬНОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА
СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИИ**

Конституция признается основополагающим источником уголовно-процессуального права всеми западноевропейскими странами и Россией. Вместе с тем в Англии и Уэльсе, а также Шотландии, входящих в Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии, конституция в отличие от других европейских стран и России не имеет четко выраженного систематизированного характера. Конституционные нормы, касающиеся уголовного правосудия, содержатся в судебных решениях (прецедентах) высших судебных инстанций (например, Палаты лордов) и некоторых законах (например, в Акте об уголовном праве 1967 г. и в Акте о судах 1974 г.) [1]. Причем поскольку и соответствующие решения судов, и нормы права упомянутых законов представляют собой часть прецедентного и статутного права (получившего в последнее время сильное развитие), их выделение в качестве самостоятельного источника уголовно-процессуального права достаточно условно и не имеет практического значения.

В некоторых странах Конституции не являются единственными источниками конституционного значения. Например, во Франции равными по силе действующей Конституции 1958 г. признают Декларацию прав человека и гражданина 1789 г. и преамбулу Конституции 1946 г., а также основные принципы, провозглашаемые законами Франции. Причем речь идет о законах не только нынешней Пятой республики, но и о законах первых трех. Таким образом проявляется как уважение к историческому наследию, так и гибкость конституционного регулирования, усиливаемая полномочиями Конституционного Совета Франции по толкованию и интерпретации Основного закона [2].

Другие западноевропейские страны и Россия располагают едиными законодательными актами, действующими в качестве конституций и различающимися, главным образом, полнотой регулирования вопросов, которые связаны с уголовным процессом.

Большинство конституций формулируют общепризнанные принципы, права и свободы человека, фундаментальные судебные права, а также наиболее общие принципы правосудия.

К классическим относятся права на:

1) личную свободу (ст.7 Конституции Бельгии, ст. 1, ч.2 ст.2 Конституции Греции, раздел 71 Конституции Дании, ст. 17 Конституции Испании ст. 13 Конституции Испании);

2) неприкосновенность жилища (ст. 10 Конституции Бельгии, ст. 13 Конституции Германии, ст.9 Конституции Греции, раздел 72 Конституции Дании, ч.2 ст. 18 Конституции Испании, ст. 12 Конституции Нидерландов);

3) тайну переписки и других видов связи (ст.22 Конституции Бельгии, ст.10 Конституции Германии, ст.19 Конституции Греции, ч.3 ст.18 Конституции Испании, ст. 15 Конституции Италии);

4) личную неприкосновенность (ст.2 Конституции Германии, ст.2 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., ч.2 ст.7 Конституции Греции, ст.15 Конституции Испании, ст. 13 Конституции Италии).

При этом Конституции исходят из принципа равенства граждан перед законом (ст.3 Конституции Германии, ч.1 ст.4, ч.2 ст.5 Конституции Греции, ст.6 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., ч.3 ст.40 Конституции Ирландии, ст.14 Конституции Испании, ст.3 Конституции Италии), а также указывают на недопустимость произвольного ограничения соответствующих. прав, сопровождая их провозглашение более или менее подробным изложением законных ограничительных процедур. Отсюда совершенно очевиден непосредственно регулирующий характер определенных конституционных норм для уголовного процесса. Так, согласно п.2 Конституции Греции одной из гарантий личной свободы граждан является обязанность доставить судебному следователю задержанного не позднее 24 часов с момента ареста.

К фундаментальным судебным относятся права на:

1) судебную защиту или обращение в суд (ст. 19 Конституции Германии, ст.20 Конституции Греции, ч.1 ст.24, ч.2 ст.53 Конституции Испании, ст.24 Конституции Италии);

2) законного судью (ст.96 Конституции Бельгии, ст 101 Конституции Германии, ст.7 Конституции Греции, ч.2 ст.24 Конституции Испании, ст.25 Конституции Италии);

3) компенсацию ущерба лицам, осужденным по ошибке, несправедливо или незаконно (ч.4 ст.7 Конституции Греции, ст.121 Конституции Испании).

Названные права дополняются и конкретизируются. Так, в п.2 ст.24 Конституции Испании, ст.27 Конституции Италии и ст.9 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. говорится о праве на признание виновным только судом (презумпцию невиновности), в ст.113 Конституции Нидерландов - о праве на лишение свободы только судом, в ст. 103 Конституции Германии, ч.2 ст.53 Конституции Испании - о праве быть заслушанным или защищать свои права и свободы перед судом.

Иногда конкретизация приводит к формулированию достаточно узких уголовно-процессуальных прав. Например, ст.24 Конституции Испании регламентирует явно отраслевые права: знать о предъявленном обвинении, не признавать себя виновным, использовать адвоката и т.п.

К принципам правосудия относятся.

1) осуществление судебной власти только судьями (ст.92 Конституции Германии, ст.87 Конституции Греции, ч. 1 ст.117 Конституции Испании, ч.1 ст. 102 Конституции Италии);

2) независимость судей и их подчинение только закону (ст.99 Конституции Бельгии, ч.1, 2 ст.87 Конституции Греции, ч.1 ст. 117 Конституции Испании, ст. 101, 104 Конституции Италии, ст.64, 65 Конституции Франции);

3) несменяемость судей (ст.97 Конституции Германии, ч.1 ст.88 Конституции Греции, ч.1 ст. 117 Конституции Испании, ст. 107 Конституции Италии, ст.64 Конституции Франции);

4) мотивированность постановлений и действий судебной власти (ст.97 Конституции Бельгии, ч.3 ст. 120 Конституции Германии, ч.2 ст.93 Конституции Греции, ст. 111 Конституции Италии, ст.89 Конституция Люксембурга).

Ряд конституций в число принципов правосудия включают участие граждан в отправлении правосудия (ст. 125 Конституции Испании, ст.102 Конституции Италии), гласность судебного разбирательства (ч.1 ст. 120 Конституции Испании, ст.89 Конституции Испании), обязательность судебных решений (ст.118 Конституции Испании), свободу обжалования постановлений и действий судебных органов, касающихся личной свободы (ст. 11 Конституции Италии), контроль вышестоящих судебных инстанций над нижестоящими (ч.3 ст.87 Конституции Греции, ст.87 Конституции Люксембурга) и др. Однако эти положения скорее являются условиями или гарантиями осуществления более широких прав человека и принципов правосудия, нежели имеют самостоятельное значение.

Конституция России устанавливает весьма сходную с западноевропейскими странами систему основополагающих прав человека, фундаментальных судебных прав и принципов правосудия.

Во-первых, Основной закон нашей страны утверждает подобно западным конституциям равенство перед законом в качестве общей для всех нормы, определяющей свободу личности как свободу осуществления конкретных прав человека и гражданина. В то же время формулировка принципа равноправия в Конституции России (ст. 19) дополнена указанием на равенство всех перед судом. Такое дополнение подчеркивает не только важность рассматриваемого положения для сферы правосудия, но и его непосредственное регулирующее значение для уголовного процесса.

Во-вторых, Российская Конституция, как и другие, исходит из признания таких общечеловеческих прав, как право на свободу и личную неприкосновенность (ст.21, 22), право на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений(ст.23), а также право на неприкосновенность жилища (ст.25). Причем наибольшее сходство в формулировках соответствующих прав и описаниях законных процедур их ограничения Конституция России имеет с Конституциями Германии, Греции, Испании и Италии

В-третьих, по Конституции России ее гражданами гарантировано соблюдение аналогичных западноевропейским фундаментальных прав на: судебную защиту (ст.46), законного судью (ст.47), возмещение государством ущерба, причиненного незаконными действиями органов судебной власти или их должностных лиц (ст.53). Близкими или совпадающими с соответствующими конституционными правами в сравниваемых странах являются также: право участвовать в отправлении правосудия (ст.32), право на квалифицированную юридическую помощь (ст.48), право обвиняемого считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана и установлена вступившим в законную силу приговором (ст.49), право осужденного на пересмотр приговора, прошение о помиловании или смягчении наказания (ст.50), право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга или близких родственников (ст.51). Не имеет прямого аналога, пожалуй, только право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст.52).

В-четвертых, Конституция России провозглашает ряд общепризнанных демократических принципов правосудия. Некоторые из них почти тождественны конституционным принципам правосудия большинства западноевропейских стран (независимость судей и их подчинение только закону - ст. 120, несменяемость судей - ст. 121, осуществление правосудия только судом - ст.118), другие (неприкосновенность судей - ст. 122, гласность судебного разбирательства - ч.1 ст. 123) - подразумеваются или характерны лишь для конституций отдельных стран. В ранг конституционного возведен принцип состязательности судопроизводства и равноправия сторон (ч.3 ст. 123), признаваемый отраслевым всеми государствами Западной Европы.

Особым принципом российского правосудия является недопустимость заочного разбирательства уголовных дел (ч.2 ст. 123). Трудно сказать, насколько его конституционное закрепление целесообразно, так как скорее отражает потребности текущей практики судопроизводства в России, а не его фундаментальные основы. Не случайно, во-видимому, западные конституции, признавая право обвиняемого предстать перед судом, не трансформируют его в обязанность.

Конституция России - одна из самых «процессуальных» в мире, в связи с чем наше уголовно-процессуальное право может быть названо прикладным конституционным с не меньшим основанием, нежели, например,

германское [3]. Однако подобный отраслевой характер норм основного закона вряд ли оправдан, хотя в какой-то мере обусловлен особенностями переходного периода, переживаемого нашей страной. Дело в том, что конституционный уровень регулирования требует большей степени обобщенности, приближенности к общеправовым идеям, конкретный механизм воплощения в жизнь которых должен находиться на уровне уголовно-процессуального закона.

Вторым по значению после конституций (или равновеликим) источником национального уголовно-процессуального права можно назвать международное право. Взятое (и понимаемое) в самом широком контексте международно-правовых норм, договоров и обязательств, оно оказало и продолжает оказывать весьма существенное влияние на всю сферу национальной уголовной юстиции и правосудия рассматриваемых стран. Заключается это прежде всего в практически всеобщем признании приоритета международного права над внутренним и во все большем распространении прямого действия международно-правовых норм на национальном уровне [4]. Причем речь идет главным образом об европейском праве, а в нашем случае - Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (в дальнейшем - Конвенции), включающей в себя вместе с дополнительными протоколами практически весь перечень международно признанных прав и свобод [5].

Разумеется, способы реализации вышеназванных норм различаются в зависимости от традиций и особенностей национальных правовых систем [6]. Так, например, Конвенция, фактически являясь источником уголовно-процессуального права подписавших ее стран, в юридическом смысле не может быть таковым и непосредственно применяться судами в Англии и Уэльсе, Шотландии и Ирландии [7]. Характерный для названных стран «дуализм» требует четкого разграничения национального и международного права. Это означает для указанных стран необходимость принятия специального парламентского статута, вводящего (придающего силу) соответствующие нормы в правовую систему страны [8]. В Ирландии такая процедура прямо предусмотрена ст.29 Конституции, пункт 6 которой гласит: «Никакое международное соглашение не должно быть частью внутреннего закона страны, если иное не определено Парламентом», в Соединенном Королевстве - вытекает из неписаной Конституции и Акта о Европейских сообществах 1972 г. Однако до настоящего времени ни одно из упомянутых государств не имеет требуемого статута, что создает для судебной практики немалые трудности, разрешаемые путем презюмирования нескольких положений:

- преимущества того толкования национального права, которое согласуется с Конвенцией;
- позитивного воздействия Конвенции на процесс развития национального права и устранения его неопределенности;

- соответствия судебных решений, затрагивающих интересы конкретных лиц, международным обязательствам государства, вытекающим из Конвенции [9].

Иначе говоря, с точки зрения дуалистической концепции действует принцип: нормы Конвенции, подлежащие применению национальными судами, должны быть ими применяемы.

В отличие от уже упомянутых стран общего права, тяготеющая к ним в определенной мере Дания разрешила коллизию международного и внутреннего права путем принятия вступившего в 1992 г. в силу закона о включении Конвенции в национальное право [10].

В других странах континентальной Европы, исповедующих «монизм» (стремящихся к сближению международного и внутреннего права) [11], Конвенция может быть непосредственно применима национальными судами в силу их конституций, решений высших судебных органов, а также международных обязательств, вытекающих из нее (особенно в части, касающейся признания юрисдикции Европейского суда по правам человека в Страсбурге).

Так, на приоритет международного права над национальным указывают ст.55 Конституции Франции, ст.25 Конституции Германии, ст.10 Конституции Италии, ст.28 Конституции Греции, ст.94 Конституции Нидерландов и аналогичные статьи Конституции других стран.

В некоторых государствах преимущество международного права утверждено (или подтверждено) авторитетными решениями судебных органов. Например, в Бельгии такое решение было принято Конституционным судом в 1971 г., во Франции - Кассационным судом в 1975 г. и Государственным советом в 1989 г., а в Люксембурге - Верховным судом в 1950 г.

При этом практически не значимо, придан ли Конвенции конституционный статус (Австрия), имеет ли она больший вес, чем внутреннее право (Бельгия, Франция, Нидерланды и др.), либо равнозначна ему (Германия, Италия и др.), часто (большинство перечисленных стран) или редко (Италия) применяется судами. Важно лишь то, что Конвенция так или иначе воплощается на национальном уровне, воздействуя наряду с иными международно-правовыми актами на уголовное правосудие каждой страны.

Ратификация Россией в 1998 г. обсуждаемой Конвенции поставила нашу страну вровень с другими европейскими государствами с точки зрения признания прямого действия соответствующих норм и распространения юрисдикции Европейского суда по правам человека (в дальнейшем - Европейского суда) на сферу российского уголовного процесса [12]. Конституционным основанием такого признания служат ч.4 ст.15 и ч.3 ст.46 Основного закона РФ. Первая провозглашает общепризнанные нормы и принципы международного права, международные договоры составной частью правовой системы России и их приоритет над внутренним правом

Вторая устанавливает право каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если все имеющиеся национальные средства правовой защиты исчерпаны [13]. Поскольку речь идет о включении России в реальный юридический механизм обеспечения фундаментальных прав и свобод человека, постольку можно ожидать возрастающего влияния международного права в двух отношениях:

- 1) изменения внутреннего законодательства путем более полного учета общепризнанных норм и принципов в области прав человека и общеевропейских стандартов правосудия;
- 2) добросовестного соблюдения указанных норм, принципов и стандартов.

Таким образом, очевидно, удастся устранить отмечаемую в литературе неопределенность в соотношении международного и российского права, интерпретациях этого соотношения и общепризнанности некоторых норм и принципов [14]. Причем ценность Конвенции для всех ее участников состоит не столько в возможности непосредственного применения соответствующих норм, сколько в признании прецедентного значения решений Европейского суда для национальной практики: судебные органы обязаны руководствоваться этими решениями и тем самым влиять в случае необходимости на изменение своего законодательства [15].

Фактически речь идет не просто о согласованном отказе от части суверенитета в пользу органа наднациональной юрисдикции, а о всевозрастающем влиянии прецедентного права в странах континентальной Европы. Заключается оно в том, что суды решают скорее не как должно быть, а каким способом достичь этого, поступая сообразно принципу процессуальной справедливости, а не объективной (материальной) истины. Приоритет отдан защите прав и интересов личности даже в ущерб (в некоторых случаях) обоснованности судебных решений, основанных на законах, которым должен подчиняться каждый человек [16]. Действие Конвенции в данном отношении осуществляется путем определения правильности процедур применения норм внутреннего законодательства, гарантирующих права и свободы человека с учетом, конечно, национальных особенностей этого законодательства, практики его применения и обстоятельств конкретного дела. Причем содержание национальных законов должно соответствовать установленному Конвенцией стандарту правосудия, определяемому правами человека, и подлежать международному контролю во всех аспектах своего воплощения в жизнь: правотворческого и правопримизнительного, правоограничительного и правозащитного.

Отсюда сказанное определяет значение, которое имеют Конвенция и решения Европейского суда как источники национального уголовно-процессуального права России и стран Европейского Союза (ЕС):

1) служить эталоном справедливости для оценки внутреннего законодательства, правильности его принятия и применения;

2) задавать границы (рамки справедливой правоприменительной практики.

Итак, Европейская Конвенция по правам человека и конституции стран Европейского Союза и России относятся к числу важнейших источников национального уголовно-процессуального права. При этом конституции обладают значительным сходством в описанном выше отношении и, таким образом, могут быть основой для сближения внутреннего законодательства и праюики. Аналогичное значение с точки зрения унификации внутригосударственных механизмов защиты общепризнанных конституционных прав и свобод человека и гражданина имеет Европейская Конвенция.

Список литературы и примечания

1. Chronical Table of the Statutes. Part 1. L., 1985. P.71-73. См. подробнее: Конституции зарубежных государств. М., 1997. С.57-69.

2. О конституционном законодательстве Франции см., например: Конституции современных государств. М., 1997. С.91-104.

3. Criminal Procedural Systems in the European Community. Ed. C Van den Wyngaert. Brussels, 1993. P. 138.

4. См. об этом, например: Топорнин Б.Н. Европейское право, М, 1998. С.305-307,

5. Общая теории прав человека. М., 1996. С.479, и др.

6. См. об этом: Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения М., 1996. С.235, Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека. (Практика и комментарий). М., 1997. С.522-524,

7. Апарова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. М., 1996. С.14,15,127; Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Указ. соч. С.522.

8. См. об этом: Топорнин Б.Н. Указ соч. С.306; Хартли Т.К. Основы права Европейского сообщества. М., 1998. С.204-205, и др.

9. Дженис М, Кэй Р., Брэдли Э. Указ. соч. С.524.

10. О способах инкорпорации Конвенции см. подробнее: Regs g. The Effects of Judgments and Decisions in Domestic Law // The European System for Protection of Human Rights (1993). P.801-851.

11. Топорнин Б.Н. Указ. соч. С.306; Хартли Т.К. Указ. соч. С.204; и др.

12. О соотношении Конвенции с российским законодательством см. подробнее: Волженкина В.М. Европейская Конвенция о защите прав человека и российский уголовный процесс. СПб., 1998. С.5-36.

13. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1994. С.50, 152.

14. Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. С.46-56.

15. См. об этом: Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С.121-124; Общая теория прав человека. М, 1996. С.478-482; и др.

16. См. подробнее: Гольдман Р., Лентовска Э., Франковски С. Верховный Суд США о гражданских правах и свободах, Бега, 1998. С.224-228; Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская Конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия. М., 1998. С.220-221.